

Как закалялась сталь); Сядь, *неряха*, — ледяным голосом сказал Щадов (там же). 3) **Уменьшительные слова:** *хвастунишка, приготоуишка, трусишка, зверюшка, голышка, голошейка, кривошейка, хромоножка, болтушка, щелкушка* и др.— Изувеченный воин, изменница-невеста, неизвестная *хромоножка* (К. Ф е д и н. Города и годы). 4) **Неодобрительные слова:** *брюзга, пройда, грязнуха, пройдоха, проныра, пролаза, плакса, крикуша, невежа, неженка, белоручка, зёва, бродяга, простофиля* и др.— Вы грустите, будто жизнь уже кончена, пролетела, вы просто от природы *плакса* (А. Т о л с т о й. Хождение по мукам). 5) **Шутливые слова:** *злючка, злюка, знайка, вертушка* и др. 6) **Разговорные слова с оттенком сочувствия:** *бедняга, бедняжка, бедняжечка, горемыка* и др.— Было очевидно, что женские прелести свели с ума *бедняжку* Жано (А. Толстой. Хождение по мукам); Поэтому ты дерзнул пойти со мной на пари, *бедняга* (К. Ф е д и н. Костер). 7) **Ласковые слова:** *глупышка, душенька, мурлыка, голуба, гуля, душечка, журка, крошка, душенька, малюточка, голышка, шалунишка, крошечка, михрютка, неженка, мордашка* и др.— Взял Екатерину Дмитриевну за подбородок и сочно поцеловал в щеку.— С добрым утром, *душенька*, как спала? (А. Т о л с т о й. Хождение по мукам). 8) **Иронические слова:** *скромница, всезнайка, недотрога, мудрила, немогузнайка, многознайка* и др.

Между этими группами существует связь, так как слова общего рода, употребляемые в художественных произведениях, иногда одновременно выражают разные экспрессивно стилистические оттенки, поэтому одно слово может быть отнесено к двум и трем группам, и, кроме того, каждую из названных групп можно разделить на более мелкие подгруппы.

¹ Ефимов А. И. Стилистика русского языка.— М., 1969, с. 132.

² Чижик-Полейко А. И. Стилистика русского языка: Учебное пособие для студентов-филологов, ч. 1.— Воронеж, 1962, с. 50.

³ Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка.— М., 1965, с. 63.

⁴ См.: Мелик-Оганджанян Л. К. К вопросу о продуктивности категории общего рода в современном русском языке.— Уч. зап. Ереванского ун-та. Сер. философ. наук, 1962, вып. 62, т. 75, с. 59.

⁵ Там же.

⁶ Ефимов А. И. Указ. работа, с. 62.

⁷ См.: Мечковская Н. Б. Опыт количественного описания стилистической маркированности.— Вестн. Белорусского ун-та. Сер. IV, 1976, № 2, с. 39.

И. Ф. УХВАНОВА-ШМБИГОВА

ПАРАДИГМАТИКА И СИНТАГМАТИКА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ МАНИФЕСТАЦИЯ ПЛАНА СОДЕРЖАНИЯ СЛОВА

Внелингвистические отношения слова являются источником определенной общественно-значимой его информации. Тот факт, что слово является носителем такой информации, не вызывает сомнения, поскольку язык возникает именно как непосредственное **выражение общественного сознания**. Язык вырос из общественного производства и постоянно им «питается». Такое «питание» на семантическом уровне языка проявляется в виде постоянного воздействия гносеологического и социально-психологического факторов на план содержания слов. Но связь между общественным производством и языком «не непосредственная, не прямая. Однажды возникнув, язык, как и всякая составная часть общественного сознания, приобретает некоторую самостоятельность»¹. И это закономерно. Для реализации своего прямого назначения, характеризующегося единством двух функций: мыслительной, отражательно-обобщающей (быть орудием мышления) и коммуникативной (быть орудием общения) — семиотический подход к языку предполагает рассмотрение этих функций в качестве сигнификативно-символической и регулятивно-сиг-

нальной², — язык должен приобрести черты «системообразной сигнально-коммуникативной техники»³, которая и дает «возможность говорящему брать понятия, находящиеся в его собственном сознании, и вызывать эти понятия в сознании слушателя»⁴. Из признания этих положений следует вывод о том, что невозможно и неправомерно рассмотрение содержания сигматического и прагматического аспектов значения слова вне всякой связи с собственно **семантической техникой** языка, которая выступает в виде лингвистических отношений слова, обеспечивая постоянное взаимодействие семантических единиц, их функционирование. Современное языкознание четко разграничивает две формы функционирования элементов языка: **парадигматика** как «область закономерного варьирования единиц и категорий языка в процессе их функционирования для построения речи» и **синтагматика** как «область закономерного сцепления единиц языка в речи»⁵.

Уже из определения парадигматики становится очевидным, что парадигматические отношения являются отношениями **систематизации** языковых единиц с целью наиболее эффективного их использования в речи. Всякая систематизация может иметь место лишь на основании общности или смежности, близости каких-то признаков, в данном случае — на основании общности или смежности какой-либо информации (либо ее части), которая и составляет «ядро» (kernel) единицы следующего порядка в семантической системе языка. Так, простейшее парадигматическое объединение слов — т. е. их объединение в так называемые синонимические ряды — может основываться как на их сигматической информации (*ведьма, баба-яга, колдунья*), так и на их прагматической информации (*ведьма, мегера, фурия*). С учетом сигматической и прагматической информации слов происходит и последующая систематизация их в лексико-семантические поля. Парадигматическая систематизация языковых единиц универсальна и уникальна сама по себе. Опираясь на общее, смежное, близкое в содержании слов, она не исключает то отдельное, единичное, особенное, что в них есть (какой-то иной смысловой оттенок, эмоциональная окраска, область применения слова и пр.). Именно эта индивидуальность каждой языковой единицы и дает ей право на функционирование в языке, своеобразное право на ее существование. Более того, объединение всей этой информации помогает еще глубже понять отражаемую действительность в единстве ее различных граней, видений, проявлений, стимулирует процесс обобщающей деятельности мозга. В «Конспекте книги Гегеля «Наука логики» В. И. Ленин отмечает: «Всесторонняя, универсальная гибкость понятий, гибкость, доходящая до тождества противоположностей, — вот в чем суть»⁶. Эта особенность понятий как нельзя лучше характеризует суть семантической парадигмы. Последняя в большей степени, чем слово, представляет собой языковое воплощение понятия.

Изучение семантических парадигм и выделение места каждого конкретного слова в его парадигмах имеет принципиально важное значение для определения плана содержания слова. Ведь только на основе выделения общего возможно вскрыть и понять особенное и единичное. Следовательно, уточняя, упорядочивая, корректируя всю его информацию, «предписывая» ему определенные семантические границы, включая его в систему значений языка, парадигматическая систематизация собственно и представляет нам план содержания слова, который являет собой функциональное содержание места (позиции) слова в семантической системе языка.

Парадигматическое определение плана содержания слова есть определение его **потенциального семантического состояния**, которое выявляет в максимально полной мере возможность осуществления основного назначения языка. Современная лингвистическая наука выделяет и **актуальное семантическое состояние**, воплощающее его назначение, реализующее и конкретизирующее общение людей⁷. Актуальное семантическое состояние слов дает нам их синтагматическое соотношение. Послед-

нее также не допускает произвольного соотнесения языковых единиц, как, например, «зеленые идеи яростно спят», где все слова значимы, но не соотносимы. Синтагматическое соотнесение жестко детерминировано их сигматической и прагматической информацией. Такая детерминированность является результатом того, что каждое отдельное слово, т. е. его план содержания, подчинено семантическому развертыванию синтагмы. Это означает, что содержание актуального семантического состояния слова есть содержание его места в синтагме. Хотя и в данном случае нельзя исключать актуализацию какой-либо дополнительной информации, способствующей только обогащению высказываний.

Воздействие синтагматического фактора на план содержания слова может осуществляться и через воздействие на парадигматические отношения слов, ибо «когда связь между сложившимся понятием и словом уже установилась, последнее в ходе многократного речевого употребления может влиять на выражаемое им понятие в смысле его уточнения, сужения или расширения, изменения его парадигматических связей»⁸. Разграничение семантического состояния слова на потенциальное и актуальное весьма важно, так как вскрывает диалектику плана содержания языковой единицы, источник ее саморазвития, объясняет относительный характер ее покоя.

Итак, сигматическую и прагматическую информации должно и нужно рассматривать в плане содержания слова как отражение внеязыковой базы, которая манифестируется в парадигматических и синтагматических отношениях этой языковой единицы, а значит и составляет основу ее потенциального и актуального семантических состояний. Вот почему правомерным является утверждение В. Дорошевского о том, что «ясное осознание содержания слов — это форма овладения ими и одновременно ситуациями, в которых употребляются слова как орудия мышления и деятельности»⁹. Признание того, что сигматический и прагматический аспекты плана содержания слова манифестируются в его парадигматике и синтагматике, означает, что выявление содержания этих компонентов в значении слова требует анализа его парадигматических и синтагматических связей и зависимостей.

¹ Клаус Г. Сила слова: Гносеологический и прагматический анализ языка.— М., 1967, с. 33.

² См.: Киселева Л. А. Вопросы теории речевого воздействия.— Л., 1978, с. 12.

³ Абаев В. И. Лингвистический модернизм как дегуманизация науки о языке.— Вопросы языкознания, 1965, № 3, с. 38.

⁴ Чейф У. Л. Значение и структура языка.— М., 1975, с. 93.

⁵ Головин Б. Н. Морфология и синтаксис языка в их отношении к парадигматике и синтагматике.— В сб.: Уровни языка и их взаимодействие (Тезисы научной конференции). М., 1967, с. 53.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 99.

⁷ См.: Брудный А. А. О двух семантических состояниях слова.— В сб.: Синхронное изучение различных ярусов структуры языка (Материалы расширенного заседания лингвистического семинара).— Алма-Ата, 1963.

⁸ Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка.— М., 1975, с. 41.

⁹ Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики.— М., 1973, с. 207.